

Девлет
ГИРЕЕВ

Имя Девлета Азаматовича Гиреева известно на Северном Кавказе. Мне посчастливилось общаться с ним начиная с юности, когда он преподавал литературу в 27-й школе Владикавказа. Мы были последними выпускниками Девлета Азаматовича: в 1956 году он защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Лермонтова, и с тех пор жизнь его была связана с Северо-Осетинским госуниверситетом. Именно в это время им были написаны книги «Поэма М. Ю. Лермонтова», «Демон», «Гибель Фемиды», статьи о К. Хетагурове, Е. Уруймаговой. По отцовской линии его род восходит к Шан-Гиреям, непосредственным родственникам М. Ю. Лермонтова. Наверно, поэтому вся сознательная жизнь Девлета Гиреева была связана с изучением творчества Лермонтова. После войны молодой выпускник Северо-Осетинского пединститута вместе с женой Ольгой Николаевной отдал много сил строительству и организации Музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске. Девлет Азаматович долгие годы был сопредседателем Всесоюзных Лермонтовских чтений: эту высокую миссию он выполнял совместно с И. Л. Андрониковым. По инициативе Гиреева в мае 1962 года во Владикавказе состоялась Всесоюзная Лермонтовская конференция. Ученому удалось собрать и малоизвестный материал о жизни Михаила Афанасьевича Булгакова во Владикавказе. Он воплотился в книгу-повесть, которой так и не суждено было найти широкого читателя, но с небольшим фрагментом из нее хотелось бы вас познакомить. Интерес читателей, думается, вызовет переписка литературоведа с первой женой Мастера — Татьяной Николаевной Кисельгоф. Письма любезно предоставлены для публикации дочерью Д. Гиреева — Т. Д. Гиреевой, и публикуются они впервые.

Казбек КУЛАЕВ,
доктор философских наук

УРЫВКАМИ летом и осенью 1920 года Булгаков завершал работу над первой большой драмой. В одном из писем позднее сообщал: «...На сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная комедия «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма «Братья Турбины». К сожалению, текст этой пьесы, как и большинства других пьес владикавказского периода, до нас не дошел... И хотя материал, на котором строился сюжет пьесы, связан с другой эпохой, можно думать, что отсюда тянутся идейно-тематические нити к драме «Дни Турбиных». «Братья Турбины», как сообщал Булгаков, «четыре раза за месяц шли с треском успеха». ...1921 год для Булгакова начался трудно: особенно мучила нужда. В письмах родственникам он жаловался на плохую комнату, на холод и голод, просил сестру прислать кое-какие вещи.

А. Серафимович, вторично посетивший Владикавказ в это время, был потрясен картинами бедствия тысяч голодающих беженцев с Поволжья. В одном из очерков он писал: «На станции под Владикавказом валяются по платформе, по путям сыпные вперемежку с умирающими от голода. У кассы — длинный хвост, и все, кто в череду, шагают через зачехлевший труп сыпного, который уже много часов лежит на грязном полу вокзала. Положение безвыходное: денег совершенно нет, койки сокращены до минимума. Жалкие крохи, какие имеются, недостаточны, чтобы мертвецов вывозить. Рабочие заволновались... На собраниях требовали экстренного обложения буржуазии. И добились этого обложения. Были собраны крупные суммы, и началась борьба с голодом и эпидемией. Стали подбирать голодных, сыпных, стали кормить, лечить, одевать...» В эти дни на сцене владикавказского театра пошла новая пьеса Булгакова. О ней сохранилось несколько упоминаний в письмах автора. Первого февраля он сообщил:

«Автор — новичок в драматургии. Мы не будем строго критиковать и указывать на неудачную архитектуру пьесы... Действие развивается бессвязно, скачками, которые художественно не оправданы... Но кое-что в пьесе, особенно первые сценки последнего акта, удачны, театральны и художественны. В постановке видна немалая работа...» В письме двоюродному брату Булгаков сообщал: «Я упорно работаю. Пишу роман, единственная за все это время продуманная вещь...» (Речь, видимо, идет о романе «Белая гвардия»). Его творческая история берет начало во Владикавказе. В конце апреля письмом к сестре Вере: «Я очень тронут... пожеланием мне в моей литературной работе. Не могу выразить, как иногда мучительно мне приходится... Творчество мое разделяется резко на две части: подлинное и вымученное. Лучшей моей пьесой подлинного жанра я считаю трехактную комедию-буфф типа «Вероломный папаша» («Глиняные женихи»). И как раз она не идет, да и не пойдет, несмотря на то, что комиссия, слушая ее, хохотала в продолжение всех трех актов... Салонная!»

— У меня тоже нет денег. Выход один — пьесу надо написать. Из туземной жизни. Революционную. Продадим ее... Я тупо посмотрел на него и ответил: — Я не могу ничего написать из туземной жизни, ни революционного, ни контрреволюционного. Я не знаю их быта. И вообще, я ничего не могу писать. Я устал, и, кажется, у меня нет способностей к литературе. Он ответил: — Вы говорите пустяки. Это от голоду. Будьте мужчиной. Быт — чепуха! Я насквозь знаю быт. Будем вместе писать. Деньги пополам. С того вечера мы стали писать. У него была круглая жаркая печка. Его жена развешивала белье на веревке в комнате, а затем давала нам винегрет с постным маслом и чай с сахарином. Он рассказывал мне характерные имена, рассказывал быта, а я сочинял фабулу. Он тоже. И жена подсаживалась и давала советы... И мы писали. Он нежилась у печки и говорил: — Люблю творить! Я скрежетал пером... Через семь дней трехактная пьеса была готова. Когда я перечитал ее у себя в неотапливаемой комнате, ночью, я, не стыжусь признаться, заплакал! В смысле бездарности — это было нечто совершенно особенное, потрясающее... В туземном отделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч. И через две недели она шла... Затем спектакль повезли в Грозный. Там он тоже шел под бурные овации в Летнем театре. В «Записках на манжетах» Булгаков так заканчивает грустное повествование о творческой истории пьесы: «Я начал драть рукопись, но остановился... Написанное нельзя уничтожить... От самого себя никогда! Эту изумительную штуку я сочинил. Кончено!» Ирония судьбы: «Сыновья муллы» — пьеса, которую Булгаков расценил как лучший образец «в смысле бездарности» и пытался уничтожить, — единственное из драматических произведений владикавказского периода, дошедшее до нас. Оно сохранилось в двух вариантах — на русском и осетинском языках. Перевод пьесы на осетинский язык осуществил Борис Иванович Тогров.

НА БЕРЕГАХ Терека

Малоизвестные страницы
из жизни М. А. Булгакова

В этом доме, на верхнем этаже справа, в 1920—1921 годах жил Михаил Афанасьевич Булгаков с женой Т. Н. Кисельгоф. Теперь это ул. Маяковского, 9. М. А. Булгаков. Снимок владикавказского периода жизни.

«На днях снял с пишущей машинки «Парижских коммунаров» в 3-х актах. После завтра читаю ее комиссии. Здесь она несомненно пойдет». В другом письме, адресованном сестре Надежде Афанасьевне: «Вот досада с «Парижскими»! Первый акт можно грандиозно поставить на большой сцене. Пойду завтра посмотреть во втором акте моего мальчика Анатоля Шоннара. Изумительно его играет здесь молодая актриса Ларина. Мой Анатолий — мой отлук в моих непростых днях». Через несколько дней после премьеры, 23 марта, «штатный недоброжелатель» Булгакова М. Вокс писал в газете «Коммунист»:

Конечно, можно только сожалеть, что эта «лучшая пьеса подлинного жанра» не дошла до нас. *** Еще в самом конце очень тяжелой и холодной зимы, когда, как позднее писал Булгаков, «грозный призрачный голод поступал в мою скромную квартиру», произошло важное событие. Как-то пришел Пейзулаев — присяжный поверенный — светлая личность с усами, подстриженными щеточкой, и влохновенным лицом. «Он пришел ко мне, когда я молча сидел, положив голову на руки, и сказал:

Все чаще и чаще Булгаков задумывался об отъезде из Владикавказа. Куда и как — он не решил, но твердо знал, что дальше так жить нельзя. Жизнь в новом мире началась нелегко. Да и представления о нем были смутные. Высокие идеалы этого мира пеленал туман неведения. Рядом — реальное, суровое. Оно не походило на идеал... Пестрые впечатления ложились заметками на бумагу: «Голодный, поздним вечером иду в темноте по лужам. Все заколочено. На ногах обрывки носков и рваные ботинки. Неба нет. Вместо него висит огромная портянка. Отчаянием пьян... В сердце черная мысль...» Во Владикавказе все казалось ему бесперспективным: «Вот так я поживаю. За письменным столом, заваленным рукописями... Ночью иногда перечитываю свои ранние напечатанные рассказы (в газетах! в газетах!) и думаю: где же сборник? Где имя? Где утраченные годы? Уеду из Владикавказа весной или летом. Куда?» Эта мысль не покидала Булгакова. Она вновь звучит в очередном письме двоюродному брату: «...Во Владикавказе я попал в положение «ни взад, ни вперед». Мои скитания далеко не кончены. Весной я должен ехать или в Москву (может быть, очень скоро), или на Черное море, или еще куда-нибудь...» В начале апреля Михаил Афанасьевич дает такое распоряжение сестре Надежде: «На случай, если я уеду далеко и на долго, прошу тебя о следующем: в Киеве у меня остались кое-какие рукописи... Выпиши из Киева эти рукописи, сосредоточив их в своих руках, и вместе с «Самообороной» и «Турбинами» в печку... Посылаю кое-какие вырезки и программы... Если я уеду и не увидимся, — на память обо мне». Позднее написал: «Бежать! Бежать! На 100 тысяч можно выехать отсюда. Вперед, к морю. Через море и море, и Францию — сушу — в Париж!... Косой дождь сек лицо, и, ежась в шинелишке, я бежал переулками в последний раз — домой...» А наутро, перед отъездом, присел к фанерному ящику и, кое-как собравшись с мыслями, карандашом написал несколько строк сестре: «Дорогая Надя! Сегодня уезжаю в Тифлис — Батум... Выезжаю спешно, пишу коротко... В случае отсутствия известий от меня больше полугода, начиная с момента получения тобой этого письма, брось рукописи в печку... Сколько времени проезжу, не знаю...» Дату на записке не поставил. Волновался и забыл. Но это произошло 20 или 21 мая. Весь день бродил по станционным путям, забитым цистернами и теплушками. Наконец набрал на вагон политпросвета. Взял с условием, что будет помогать выпустать газету... «Огромный чудный вечер сменяет во Владикавказе жгучий день. Края для вечера — сизые горы. На них вечерний дым. Дно чаши — равнина. И по дну, потряхивая, пошла колеса. Вечные странники... Навски прощай... Владикавказ!...»